

Василий Иванович Немирович-Данченко

В огненном кольце

(Очерки жизни и войны в Дагестане. Часть #2)

Немирович-Данченко Василий Иванович — известный писатель, сын малоросса и армянки. Родился в 1848 г.; детство провел в походной обстановке в Дагестане и Грузии; учился в Александровском кадетском корпусе в Москве. В конце 1860-х и начале 1870-х годов жил на побережье Белого моря и Ледовитого океана, которое описал в ряде талантливых очерков, появившихся в «Отечественных Записках» и «Вестнике Европы» и вышедших затем отдельными изданиями («За Северным полярным кругом», «Беломоры и Соловки», «У океана», «Лапландия и лапландцы», «На просторе»). Из них особое внимание обратили на себя «Соловки», как заманчивое, крайне идеализированное изображение своеобразной религиозно-промышленной общины. Позже Немирович-Данченко, ведя жизнь туриста, издал целый ряд путевых очерков, посвященных как отдельным местностям России («Даль» — поездка по югу, «В гостях» — поездка по Кавказу, «Крестьянское царство» — описание своеобразного быта Валаама,

«Кама и Урал»), так и иностранным государствам («По Германии и Голландии», «Очерки Испании» и др.). Во всех этих очерках он является увлекательным рассказчиком, дающим блестящие описания природы и яркие характеристики нравов. Всего более способствовали известности Немировича-Данченко его хотя и не всегда точные, но колоритные корреспонденции, которые он посылал в «Новое Время» с театра войны

1877 — 78 годов (отд. изд. в переработанном виде, с восстановлением выброшенных военной цензурой мест, под заглавием «Год войны»). Очень читались также его часто смелообличительные корреспонденции из Маньчжурии в японскую войну 1904–1905 годов, печат. в «Русском Слове». Немирович-Данченко принимал личное участие в делах на Шипке и под Плевной, в зимнем переходе через Балканы и получил солдатский Георгиевский крест. Военные впечатления турецкой кампании дали Немировичу-Данченко материал для биографии Скобелева и для романов: «Гроза» (1880), «Плевна и Шипка» (1881), «Вперед» (1883). Эти романы, как и позднейшие романы и очерки: «Цари биржи» (1886), «Кулисы» (1886), «Монах» (1889), «Семья богатырей» (1890), «Под звон колоколов» (1896), «Волчья съть» (1897), «Братские могилы» (1907), «Бодрые, смелые, сильные. Из летописей освободительного движения» (1907), «Вечная память! Из летописей освободительного движения» (1907) и др. — отличаются интересной фабулой, блеском изложения, но пылкое воображение иногда приводит автора к рискованным эффектам и недостаточному правдоподобию. Гораздо выдержаннее в художественном отношении мелкие рассказы Немировича-Данченко из народного и военного быта, вышедшие отдельными сборниками: «Незаметные герои» (1889), «Святочные рассказы» (1890) и др.; они правдивы и задушевные. Его эффектные по фактуре стихотворения изданы отдельно в Санкт-Петербурге (1882 и 1902). Многие произведения Немировича-Данченко переведены на разные европейские языки. «Избранные стихотворения» Немировича-Данченко изданы московским комитетом грамотности (1895) для народного чтения. В 1911 г. товариществом «Просвещение» предпринято издание сочинений Немировича-Данченко (вышло 16 т.). Часть его сочинений дана в виде приложения к журналу

«Природы и Люди».

Василий Иванович многие годы путешествовал. В годы русско-турецкой, русско-японской и 1-й мировой войн работал военным корреспондентом. Награжден Георгиевским крестом за личное участие в боях под Плевной. Эмигрировал в 1921 году. Умер в Чехословакии.

**Василий Иванович
Немирович-Данченко
В огненном кольце**

На востоке, за скалистыми твердынями сияла заря. Небо чистое, безоблачное, побледнев на рассвете, теперь всё было охвачено живым румянцем молодого дня... Точками чудились в его сияющей бездне орлы. Белые туманы колыхались над долинами. Но вдруг с моря подул сильный ветер и погнал их прочь в ущелья, изорванными клубами забросил их на скаты и на кручи, свернул в жемчужные облака и унёс далеко-далеко на запад, туда, где за Шельтахскими высотами ещё чуялось мрачное присутствие ночи... Левченко давно уже передал всё слышанное им Брызгалову, и тот делал в крепости необходимые приготовления: к мортирам и пушкам сносились снаряды, сами пушки прикрывались от ударов врага снаружи; перед крепостью, на всех доступных к ней закладывались фугасы. Чтобы преградить пути сюда диким андийским всадникам и кабардинским узденям — самым отчаянным воинам Шамиля — кое-где вбивались в землю колышки и их переплетали проволокой. Кавалерия на яром беге должна была, попав сюда, в эти западни, вся сойти на нет. Тонкая проволока калечила ноги коням,

в бешенстве сбрасывавшим всадников... В самой крепости царила тишина. Брызгалов приказал не будить солдат. Пусть они выспятся и отдохнут перед решительным боем. Барабанщик сам спал под чинарой на холодке, хоть какая-то весёлая пичужка щебетала и издевалась над его головою. Нина недавно прошла домой. Она долго сидела в больнице. Двое за ночь умерло, — и девушка читала им Евангелие до последнего вздоха. Не раздеваясь, она как сноп свалилась в постель и заснула мёртвым сном. Всё утомление этих дней казалось только теперь. Степан Фёдорович, войдя к ней, перекрестил её... Он не мог без слёз смотреть на неё, такую юную, прекрасную, чистую, попавшую случайно в кипень боевой жизни... Видя, что она не просыпается, Брызгалов стал на колени перед Богоматерью в серебряной ризе и жарко молился за дочь... "Если мы погибнем, — спаси её, Пречистая!" — шептали его побледневшие губы, а сердце всё уходило в бесконечность восторженным порывом к вечному престолу любви и милосердия. И в ответ ему казалось, что кроткие очи Девы ласково и нежно смотрят

на его дорогую девочку. Он поправил фитиль, нагоревший в лампаде перед иконой и, тяжело вздохнув, вышел вон... Он знал, что люди его утомлены. В последнюю неделю провиант им выдавался в обрез. Нового трудно, почти невозможно было достать, — надо было растянуть, насколько возможно, этот... Снарядов тоже хватит ненадолго... И брови его сдвигались всё мрачнее и мрачнее... Он поднял глаза в бездну неба, так приветливо и тепло сиявшего сегодня, и тихо проговорил: "Да будет воля Твоя, Господи!"

— Ну, братец, — обратился он к рано проснувшемуся Незамай-Козлу, — ну, братец, — сегодня жаркий день.

— Что так... Ветерок с моря. Легко дышится... Разве к полудню.

— Нет, я не о том.

И Брызгалов ему передал всё, что сообщил Левченко.

— Что ж, Степан Фёдорович... Если помирать, так помрём...

— Я за нас и не боюсь... Мы должны... Дочь вот!

И что-то дрогнуло в его голосе. Он поту-

пился и пошёл прочь... Незамай-Козлу стало тоже страшно... Впрочем, наивный офицер скоро успокоился. «Она — святая... За неё Сам Бог... Ради её и нас, поди, выручит!..» И уже хладнокровно вошёл на бастион, зорко оглядывая окрестности...

Медленно-медленно точно сдвигающиеся тучи отовсюду приближались полчища Шамиля... Сначала из-за тумана показалась и стала всё резче и яснее, определённое и отчётливее сплошная масса пеших лезгин... Только в двух местах пестрели — в одном дружины явившихся вчера на газават кабардинцев, в другом — тёмные сотни диких андийцев... И те, и другие выдвинулись вперёд. Незамай-Козёл хорошо понял, в чём дело. Андийцам и Кабарде предстояла честь первого огня. Они должны были открыть бой. В зрительную трубу он различал лица их вождей. Хатхуа, — сегодня весь в серебре, так и горит под солнцем. Под ним новый конь удила грызёт от нетерпения... Какой-то седобородый мюрид, рядом худой и длинный, с ярко как у орла горящими глазами. Как сосредоточенно-мрачны и зловещи эти лица!.. Вон сам Ша-

милль... Он далеко впереди. Весь сияет он воодушевлением... На этом лице уверенность в победе безграничная... Из-под его седых бровей глаза смотрят, как у коршуна на добычу, на крепость... Железное кольцо наступления всё суживается и суживается... Брызгалов вышел и взглянул...

— Сколько их тут?

— Сколько?.. Тысяч пятнадцать будет...

— Ого!.. Мы-то почище греков... В корпусе наш учитель истории, Единевский, рассказывал, как Леонид дрался с персами, один против ста. Нам-то сегодня — одному против двухсот, пожалуй, придётся...

Лежавшие в секретях солдаты медленно возвращались назад...

Теперь им нечего было делать перед крепостью. За воротами столпились сторожевые собаки, — они вошли вместе с людьми и спокойно улеглись на площади в тени чинары. Ночью животные не спали, — только теперь их ждал отдых...

Долина была уже чиста от тумана...

Железное кольцо Шамилевых полчищ сдвигалось и суживалось тихо, зловеще тихо.

Ни лезгины, ни аварцы, ни Кабарда, — никто не пел, не кричал... Но наступление их от этого безмолвия казалось ещё грознее и ужаснее... Там была готовность на смерть... Те люди — обрекли себя ей ради победы... И они умрут за неё — это чувствовалось защитниками Самурского укрепления...

— Шабаш, брат! — говорил один артиллерист другому.

— Что ещё?

— Ишь они как! Точно настоящее войско... Коли Господь нас сегодня вызволит...

— Ого! Прошлый раз здорово мы им наклали!

— Этих не было! — ткнул он толстым, заскорузлым пальцем в ту сторону, откуда надвигалась Кабарда и андийцы.

Сдвигались, сдвигались горные кланы и остановились на расстоянии пушечного выстрела от наших. Брызгалов взглянул на часы. Было уже девять.

— Барабанщик, тревогу! — звонко и резко крикнул он.

Спавший под чинарою барабанщик вскочил как встрёпанный схватил палки, и вдруг

в грустном и торжественном молчании Самурской долины сухо, отчётливо, точно разом проснувшаяся, рассыпалась громкая дробь тревоги... Всполыхнулись птицы с чинары и мелким роем поднялись над нею, с угловой башни взмыл вверх громадный, чёрный ворон, из-под карнизов рассыпались во все стороны голуби. Заржали лошади в конюшнях и, почуяв близкую службу, забили копытами в плотную землю... Из казарм, — крестясь на восток, — один за другим, выбегали и строились солдаты, недоумело поглядывая на Брызгалова... Слева вышел священник с дьячком... На площади поставили аналой...

— Здравствуйте, батюшка!.. — подошёл Степан Фёдорович под благословение.

Тот молча перекрестил его и благоговейно начал молебен...

Солдаты молились тихо... В эту торжественную минуту всякий отдавал себя самого с душою и телом в руки Всемогущего. «Да будет воля Твоя! — шептали уста простых, бесхитростных людей. — Защити, спаси и помилуй!» За всё это время они все слишком были готовы к смерти... И близость её не потрясла

их... Она только их верующие души наполнила смирением и преданностью...

— Ну, товарищи, — помнить присягу! — весело крикнул им Брызгалов. — Сегодня нам придётся поработать много. Я за вас не боюсь, — мы знаем друг друга. Я — вас, а вы — меня... Недаром мы вместе жили и делили пополам горе и радость... С Богом!..

Безмолвно солдаты вышли на бастионы... Брызгалов посмотрел в окно к Нине. Затомившуюся девушку не разбудила даже тревога. Она спала, всё также одетая, на постели... Только бессознательно подняла ладонь и заслонилась ею от солнца, уже щедро слепящими лучами заливавшее её комнату... Степан Фёдорович принудил себя оторваться от этого зрелища, сжал сердце рукою, чтобы оно не билось так болезненно и тревожно, и, суровый, пошёл наверх... Горные кланы тоже молились... Муллы, будуны печально пели гимны, замиравшие в прохладном воздухе... Медлительные и тоскливые мотивы их передавались от отряда к отряду, от одного племени к другому... Повернувшись к Мекке, — все они на коленях шептали про себя только имя Ал-

лаха и его пророка... Шамиль лежал распротёртый на земле, и, когда все поднялись, он громко крикнул, так что слышали и кабардинцы, и андийцы, и ближайшие дружины спешенных лезгин...

— Великий пророк! Ты сегодня обещал мне победу над неверными, оскорбляющими имя твоё! Ты сказал, что напоишь досыта жаждущую землю их нечистою кровью, и все вороны чёрных и зелёных гор долго будут праздновать здесь и радоваться над не погребёнными телами гяуров... Великий пророк, — мы постились, мы молились тебе! Ты покрыл муками моими грехи народа, утверди же его в вере исполнением обетования твоего. Даруй нам победу! Да возвеселится дух твой ужасом врагов твоих. Врата райские широко открыты, — много счастливых будут сегодня у тебя!

— Алла, Алла!.. — слышалось кругом.

Неподвижное до сих пор железное кольцо горных кланов точно дрогнуло, разомкнулось в нескольких местах, но за ними виднелись другие сплошные массы лезгин и чеченцев. От Шамиля во все стороны поскакали его

наибы, и когда над великим имамом взвилось зелёное знамя пророка, — вся эта масса со страшной быстротою кинулась на крепость... Никто не жалел себя. Горцы жаждали смерти, потому что умиравших сегодня ждали сады Эдема... Чем ближе к стенам, тем бег кабардинских коней увеличивался... Люди старались перескочить одни других, все, точно к радостной цели, стремились к этому каменному гнезду, в котором, замкнувшись, безмолвно ожидал врага малочисленный гарнизон. Ни одной пули не выпустили из узких дул наступавшие, точно ранее решительного удара никому не хотелось тратить энергию... Всё только и думало об одном — скорее дорваться до этих бастионов... Воды наводнения, прорвавшие плотину, не так бешено заливают поля внизу, туча под ураганом не так стремится вперёд... Когда они донеслись до деревьев, росших над Самуром, и первые кони их уже расплёскивали копытами его чистую воду, — с угловой башни раздался первый выстрел... Бомбы падали и рвались в сплошной массе наступавших, но на место изорванных их осколками — являлись новые

бойцы и, ни о чём ни думая, растаптывая тела павших, стремились всё-таки вперёд и вперёд. Картечь укладывала на земле целые улицы андийцев, с диким криком уже приближавшихся к стенам. Все башни и амбразуры оделись дымом. Казалось, это не медные горла пушек, а самые горы в ужасе кричат что-то человечеству, остервеневшему в оргии истребления, в жажде крови... Эспланда — из тонких проволок — выхватила целые сотни лошадей и людей, искалечившихся в неожиданном падении, но в эпосе сегодняшнего дня это было только одно мгновение, которого даже и не заметили наступавшие. Пешие потянулись через гекатомбы корчившихся людей и животных, всадники, — как река, встретившая скалу, — разомкнулись и обошли их... В чёрном, длинноволосые, с кинжалами в зубах, сверкая налившимися кровью глазами, с ружьями наготове — слепо стремились вперёд во рвы на верную гибель свирепые андийцы. Свинцовый дождь осыпал их, но в ответ слышалось только дикое «Алла-Алла!..» Скоро рвы были завалены телами, и море остервенелых врагов шумными волнами

било уже в самые стены крепости... Надолго ли они устоят под этими ударами? Не рухнут ли?.. Что-то стихийное было в этих массах. Очевидно, и у них мозг не работал, — была только одна жажда подвига, ожидание обетованной победы, стремительность мести и ненависти, почуявших добычу... Тысячи людей гибли под стенами, другие тысячи взбирались на них и, сбрасываемые штыками вниз, в последние мгновения жизни повторяли всё тоже: «Алла-Алла!..» Спокойный, бледный, решительный Брызгалов руководил обороной. В эти минуты он забыл, что он отец, — он помнил одно только, что он — комендант, и если погибнет это укрепление, то и он должен погибнуть с ним вместе как командир корабля, как часовой на своём посту... Казалось, вся его душа перешла в глаза, — он зорко смотрел на неистовые толпы и направлял решительные удары туда, где они были нужнее всего. Он мысленно взвешивал силу этой беспримерной атаки, рассчитывал, насколько у горцев хватит энергии... И с ужасом, который, впрочем, ничем не выражался на его бесстрашном лице — видел, что позади у Ша-

милia стоят ещё нетронутые резервы, жаждавшие боя, в то время, как у него, у Брызгалова, всё было на стенах и бастионах, — и ни одной свободной руки не оставалось в самой крепости, внутри. Он заметил нескольких, не особенно тяжело раненых, которые, повинувшись чувству долга, оставили лазарет и, одолевая слабость, — вышли сами на стены...

— Авось понадобится! — ответил один из них на безмолвный вопрос Брызгалова.

— Спасибо! — коротко ответил тот, сознавая, что за такое самоотречение нельзя «благодарить» человека, за него мог воздать один Бог Всемогущий.

Красным пятном близко от крепости показался Шамиль. Брызгалов разом узнал его сухую и могучую фигуру, и сам навёл орудие. Но перед ним был достойный противник. Шамиль не кинулся прочь и выдержал удар. Отчаянно громынуло медное жерло, словно скошенные серпом вокруг великого имама пали несколько наибов, — Шамиль оставался такой же гордый, с тем же коршуньим взглядом острых, пламенных глаз. Он проговорил что-то, и на его угрюмом лице мелькнула тор-

жествующая улыбка. Брызгалов живо навёл второе орудие, — целый сноп свинца и огня вырвался вперёд и тёмным облаком взрыл землю вокруг Шамиля. Брызгалов всмотрелся: красного пятна не было. Неужели убит?.. И у него даже сердце затрепетало от радости... Неужели убит? Нет, вон, опять оно, это проклятое красное пятно... Шамилю подводят другого коня, он быстро вскакивает в седло и отъезжает, а на том месте, где он стоял, бьётся изорванная чугунными осколками лошадь... Ни грохот урагана, ни бешеный напор разбивающихся о скалы волн — не могли сравниться с этим оглушительным рёвом... Кандийцам присоединились с гортанными воплями молчаливые до сих пор кабардинцы; точно кречеты — визгливо орали справа густые массы чеченцев, каким-то гулом ветра в ущельях доносились голоса целого наводнения лезгин, наступавших позади... Как одинокая скала посреди взбешённого океана — держалась крепость. Яростные валы забрасывали на её темя пену, колебали его основу, она дрожала, но стояла... Тысячи бойцов орали что-то этим камням, но с этих камней, с высо-

ты, точно отвечала им перебегающая дробь выстрелов... Если бы кто-нибудь сказал Брызгалову, что он уже три часа отбивается здесь, он бы не поверил, — до такой степени быстро, головокружительно быстро сменялись впечатления... Оглянувшись, он увидел прапорщика Рогового, — тот сходил в крепость со своей башни, с рассечённым шашкою лбом. Брызгалов сообразил, что его фланг остаётся без начальника...

— Мехтулин! Отправьтесь на место Рогового. Если останетесь живы, вперёд поздравляю вас с офицерскими эполетами!..

И молодой татарин-юнкер с загоревшимся взглядом кинулся туда, и скоро его решительный гортанный голос дошёл до Брызгалова. У Кнауса рука давно уже была ранена, но он спокойно оставался на месте, отбиваясь от койсабулинцев, набросившихся на него... Незамай-Козёл так встретил дидойцев, что, не поддержи их Чечня позади, — они бы так же быстро устремились назад, как шли в атаку... Хатхуа — оказался уже на верху. — Он с горевшими глазами искал кого-то, и, увидев, наконец, вдали Кнауса, вдруг обрадованный,

крикнул ему:

— Кунак! Исполни слово, если сможешь! — и бросился на молодого офицера. — Ты хвастался, что убьёшь меня... Вот — я!

Кнаус понял опасность и, прислонясь спиной к выступу башни, отбивался. Ему бы не уцелеть!.. Хатхуа уже поднял дуло нарезанного золотой насечкой пистолета в уровень с его головой и только приостановился, чтобы насладиться трепетом врага. Но был ли Кнаус потомком тевтонцев или нет, во всяком случае — в этом белесоватом немце жила рыцарская душа. Он презрительно смотрел в глаза Хатхуа... Когда тот готовился уже спустить курок, — набежавший сюда солдат схватил кабардинского князя поперёк и выбросил его за стену. Хатхуа уцепился за лестницу и, с быстротою кошки, опять забрался на бастион, но тут уже было несколько новых защитников, и кабардинцу пришлось, не думая о мести, защищать собственную шкуру... Вой шёл теперь повсюду... На стенах дрались грудь с грудью... Солдаты, подавленные числом неприятеля, слабели. Брызгалов хрипло кричал им что-то, но сам уже не верил в возможность

спасения, как вдруг послышалось неожиданное: «Тебе Бога хвалим!» Он оглянулся — и вздрогнул. В облачении, весь точно в ореоле небесного сияния — на стену входит с крестом в руках священник... Не успел он показаться на бастионе, как всех его защитников охватило невыразимое чувство. Устали — как не бывало! С грозным криком «ура!» (откуда взяли его натомившиеся груди?), они кинулись на врагов, — одним усилием смяли и сбросили вниз. Спокойный и величавый, благословляя защитников укрепления, шёл дальше священник, осеняя их крестом... Враги копошились внизу, остервенение недавней атаки мало-помалу проходило... С обеих сторон, без всякого уговору — перестали стрелять... Наступила странная — после этого бешенства бури — тишина... Брызгалов только теперь понял, как он утомлён. Он опустился на парапет, схватился за голову. Он чувствовал, как напряжённо бьётся его сердце, как дрожат все его жилы, как в голове раздаётся какой-то звон, кружа её... Что-то подхватывало его и уносило, он сам не знал куда... Вдруг что-то коснулось его губ...

— Испейте, испейте!..

Он приподнял отяжелевшие веки и увидел жестяную манерку с водой и державшую её закорузлую руку... Он жадно припал высохшими губами к воде. Ему казалось, что он целую реку выпьет в эти мгновения... Оправившись, он вспомнил, что ему нельзя отдаваться слабости... Встал и начал обходить крепость... У врагов тоже всё было тихо... Шамиль вдали объезжал полчища... Лицо его было спокойно и весело даже...

— Сегодня ночью вы вдоволь натешитесь над ними... Сегодня ночью Аллах передаст их верным... Слава Аллаху!.. Они ослабели, — ещё два такие нападения, и у них не останется рук, чтоб держать ружья... Хатхуа, ты ранен?

— Нет, имам. Это русская кровь...

— Лучшее украшение джигита!..

Только обойдя крепость, Брызгалов вспомнил, что он отец. Сошёл вниз и заглянул в окно к Нине.

Бедная девушка лежала, распростёршись перед иконой...

Она молилась... Но молитва её была полна

кротости и смирения...

— Господи! Да будет воля Твоя!.. — шептали её бескровные уста.

Усталъ на время остановила нападение... Защитники Самурского укрепления опустили затамившиеся руки. Им теперь казалось всё равно: жить или умереть. Хотелось только одного часа покоя. Прислонясь к каменным стенам и бастионам и закрыв глаза, солдаты погружались в оступелое равнодушие. Тяжело дышали намучившиеся груди, веки сами собою опускались на усталые глаза. Брызгалов, поддерживаемый чувством ответственности, один находил в себе силы распоряжаться. Раненых сносили вниз, — но в крепостном лазарете уже не было места. Там лежали на постелях, на столах, на полу... Стон нёсся из открытых окон на площадь, где под чинарою на войлоках и нашедшихся в крепости коврах были уложены не поместившиеся под кровлей. Доктор терял голову. Нина была уже здесь, но и она не знала, что ей делать, — так много было кругом ожидавших помощи, и так мало рук для этого. Тяжёлое предчувствие сжимало сердце Брызгалову... Он знал, что,

повторись ещё такая страшная атака, и у гарнизона не хватит сил сопротивляться ей. Все будут перебиты на стенах укрепления, всё падёт под шашками и кинжалами остервенелых горцев... Ещё хуже, если они обложат крепость и станут выжидать, — тогда поневоле вызывай их на нападение, иди на верную смерть, потому что иначе солдатам, прежде чем славно пасть в бою, — придётся выдержать все ужасы голода. Брызгалов скрывал ото всех, не желая лишать людей бодрости, но у него оставалось самое ничтожное количество запасов. Последние дни — неприкосновенный склад сухарей подходил к концу. Людям уменьшали порцию. Вчера убили трёх казацких коней и сварили их в ротных котлах... Сегодня у отряда с утра не было горячей пищи, — кашевары дрались на бастионах, ни одного человека нельзя было отвести вниз, отнять у обороны. Армянка-горничная с Ниной могли бы сделать кое-что, но первая, запершись у себя на вышке, голосила, а вторая, проработав в госпитале, чувствовала себя смертельно утомлённой.

Зловещий и тихий наступал вечер...

С той стороны от диких скопищ, обложивших крепость, доносился грозный гул десятка тысяч голосов... Наибы Шамиля торопливо переезжали от одного отряда к другому, передавая приказания; горные кланы перестраивались. Деятельность кипела там. Горы алели уже под золотыми и красными отблесками заката. В целом море полымя, слепящего глаза, торжественно и тихо опускалось за утёсы солнце... Твердыни Дагестана мрачно стояли перед долиною Самура, и только белые аулы на их утёсах розовели и желтели, обратясь лицом к умирающему дню... Наши видели, что неприятели отделяли большие партии людей куда-то в стороны и сюда поближе к крепости. «Что они задумали? Разбойники!» — тревожно размышлял Незамай-Козёл, пристально вглядывавшийся в эти отряды. Скоро он понял. Оттуда раздался глухой стук маленьких горских топоров... Одно за другим стали падать выросшие над Самуром деревья, — громадные чинары, каштаны, орешники, карагачи, зелёными облаками кое-где припадавшие к воде...

— Что они задумали?.. — повторил он

ОПЯТЬ.

— Себе на костры рубят?..

— На костры столько не надо...

Ему хотелось пугнуть их картечью, но он знал, что её оставалось немного, надо было беречь снаряды. Такие же атаки как сегодняшняя могли повториться завтра, послезавтра. Каким бы образом он справился с ними? И поэтому приходилось ограничиться только наблюдением. Свалив деревья, горцы наскоро обрубали их ветви и, не боясь вовсе солдат, смотревших на них с бастиона, начали подносить стволы к самым стенам укрепления...

— Стреляй! — приказал Незамай-Козёл.

Но, очевидно, фанатическим воинам газавата была сладка смерть сегодня. Убивали одного, — другой становился на его место, и желающих было больше, чем надо. Сам Шамиль, молчаливый, зловещий, грозный — подъехал близко-близко и смотрел, как исполняют его приказания.

Незамай-Козёл взбесился:

— А ну-ка, братики, ссадите мне его.

Даже Левченко между другими приложился и долго целился... Несколько выстрелов

вспыхнуло в сумраке, уже окружавшем крепость и заполнившем долину, — убило двух наибов около Шамиля, но сам великий имам Чечни и Дагестана оставался недвижим, спокоен и цел. Он даже не поднял глаз на стрелявших.

— Заговорён! — и Левченко тяжело опустился на каменный парапет приклад ружья.

— Что? — переспросил его Незамай-Козёл.

— Заговорён!.. Теперь, чтоб его убить, надо сварить пулю из креста, ваше благородие... Та его точно доймёт, а простая не может...

Вокруг крепости часа через два, когда синяя ночь, ласковая и прохладная, давно спустилась на горный край и зажгла над его вершинами в таинственной глубине бесчисленные звёзды, когда с моря потянуло опять лёгким ветерком, — уже лежали массы костров...

— От дурни! — засмеялся Левченко.

— Чему ты? — спросил его Брызгалов, бывший около.

— Это они ночевать под крепостью собираются...

Но Брызгалов понял больше солдата...

Гул лезгинских, чеченских, андийских и

кабардинских таборов к ночи замер. Они точно умерли все, — такая тишина царила в долине Самура. Вдруг в темноте блеснул факел у самой крепости... Меткая пуля солдата поразила державшую его руку. Но его сейчас же подхватил другой горец... Факел объял красным полымем ветки и сучья... Сухой треск слышался оттуда... Сизый дымок поднялся в темноте. Несколько языков пламени сорвалось и погасло над костром. В других местах, у стен было то же... Охотничьи инстинкты сказались у Левченко. Он понял, в чём дело, и выругался.

— Ваше высокоблагородие... Это они нас как лисьев из норы... выкуривают...

Брызгалов, давно сообразивший, в чём дело, нахмурился.

Час спустя, — крепость, обложенная ко-страми, казалась вся в огненном кольце. Дым клубился густо и чадно, ветерок гнал его за стены, и люди задыхались в этом дыму. Нечего было думать об отдыхе, — трудно дышалось. В казармах, в домах, в лазарете плотно затворили окна, но едкий и проникающий сквозь всякую скважину дым всё-таки напол-

нял всё кругом и внутри. Многие из раненых задохлись в нём, — а золотое кольцо всё росло и росло вокруг, лизало пламенными языками накаливавшиеся стены крепости, забрасывало их за зубцы, — так что встревоженный Степан Фёдорович заслонил снаряды и порох деревянными досками и озабоченно следил, как целые снопы искр летели в сторону к пороховому погребу. Если бы кто-нибудь сверху мог взглянуть на Самурское укрепление, то в однообразном мраке ночи увидел бы только одно — героическое каменное гнездо с горевшим вокруг, точно коронуящим его венцом яркого пламени. Кое-где полымя подымалось уже выше стен... Солдаты должны были сходить с них, чтобы не изжариться. Скоро пришлось спустить вниз и орудия, и снаряды. Шамиль рассчитал верно... Сегодня в ночь ни один из защитников крепости не мог бы заснуть. Отдыха не было никому. Там, за эту завесу огня, переливавшегося золотыми волнами, тысячами радужных отсветов — виднелись озаряемые его перебегающими сполохами громадные таборы врагов, — в молчании ожидавших чего-то... Каза-

лось, что волшебный, созданный из адского пламени змей сорвался откуда-то и обвинил страшным телом крепость, обречённую смерти... Брызгалов ещё был на стенах, но он чувствовал, как платье на нём начинает куриться и тлеть, как волосы на его голове свиваются под влиянием жара. Стоны слышались внизу. А в огонь костров всё больше и больше разгоравшийся, спешенные лезгины несли издали новые и новые деревья. Ночь длилась и длилась. Бесконечной казалась она бедным защитникам этого каменного гнезда... Только часа в три с юга потянуло довольно сильным ветром... Брызгалов обрадовался. Если это течение воздуха удержится, — оно разгонит дым. И действительно, в стенах крепости вдруг повеяло прохладой. Ветер усиливался. Какая-то громадная, темнее этой ночи туча выдвинулась оттуда из-за гор; ещё несколько минут, — и она заняла полнеба, глотая звёзды за звёздами... Скоро уже ни одной не было... За этой тучей надвинулась другая. Теперь под яростным дыханием внезапно налетевшего урагана, дым к самой земле припал и стлался по ней, двумя рукавами огибая крепость и

длинным хвостом струясь позади неё, к ущельям и противоположным горам... В стенах задышали свободнее. Полузадохшиеся люди выползали на руках на стены и падали там, обращая лица к освежающим порывам бури... Пламя злобно шипело в кострах, но уже не было у него силы подняться к стенам. Оно тоже стлалось по земле, точно лизало её жадными языками... Чу... Раскаты грома... Первые капли дождя... Ещё минуты две, и страшный ливень всё покрыл собою. Вспенилась река под ним, закурились паром раскалившиеся каменные стены, зашипели гаснувшие костры, — отошли и успокоились освежённые ими люди... Окна отворили настежь, — раненые с наслаждением вдыхали проникнутый свежестью и сыростью воздух. Чуть не затопленные волнами влаги, падавшей с неба, лезгинны отходили подальше к горам.

— Если бы это до утра! — вздыхал Брызгалов.

Желание его было понятно... Самур выступит из берегов и всё наполнит бушующими водами... Все горные ущелья обратятся в лоща бешеных потоков... Тысячи водопадов с

неистовой яростью сбросятся вниз с отвесов и круч, и лезгинам придётся оставить эту долину...

1902